

ПОСЛЕДНЕГО РЕЙСА НЕ БЫВАЕТ

История пути от бедного детства
и морских путешествий до бизнеса
и собственного понимания успеха

АДРИАН НОРТВЕЙЛ

Адриан Нортвейл
Последнего рейса не
бывает. История пути от
бедного детства и морских
путешествий до бизнеса и
собственного понимания успеха

<https://litres.ru/74395943>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бедность не выдаёт человеку карту, море не обещает возвращения, а успех никогда не сообщает заранее, какую цену потребует. Герой этой книги начинает в тесном доме на острове Хэйпин, взрослеет среди одиночества, провалов и унижений, уходит в море, переживает опасные рейсы, аварии, страх, тяжесть ответственности и однажды решается покинуть профессию, которой отдал молодость. Но берег оказывается не концом пути, а новым океаном: учёба, бизнес, руководство, конфликты принципов и выгоды, технологические перемены, увольнения, ошибки и испытания властью. Это мемуары человека, который много раз менял курс, не меняя главного вопроса: кем ты становишься, пока добиваешься успеха? Для тех, кому нужна не

легенда о лёгкой победе, а жизнь, в которой каждый следующий берег приходится заслуживать.

Содержание

Глава 1. Воспоминания о детстве на острове Хэйпин	8
1-1 Первый дом в моей памяти	8
1-2 Убежище от ветра и дождя	11
1-3 Радости детства и удовольствие от рыбалки	12
1-4 Проникновение на верфь и детские приключения	13
1-5 Первое знакомство с «приезжим» и жажда «мяньгуй»	14
1-6 Приключения в загадочном Хоухай	15
1-7 Глядя на море и небо	16
1-8 Послеобеденное время в «Императорском дворце»	18
Глава вторая Воспоминания и характер, сформировавшиеся в тяжелых условиях	19
2-1 Дети за стеной на улице Пин-И-Лу	19
2-2 Дорога с запахом моря, солнцем и потом коров	20
2-3 Мир за стенами и за пределами стен	22
2-4 Ужас за стеной	23
2-5 Старик, развозящий лёд	25
2-6 Одиночество и растерянность внутри и	28

снаружи стен	
2-7 Христианская церковь — рай детского счастья	31
Глава третья От острова Хэпин к реальности	35
3-1 Громкое стрекотание цикад тихо угасает	35
3-2 «Почему бы каждому не рассказать о своих стремлениях?»: зарождающиеся в сердце юноши стремления	36
3-3 Безмолвный ребёнок	38
3-4 Одна фотография, одна цитата	39
3-5 Луна и мочки ушей	40
3-6 Мальчик без дня рождения	41
3-7 Торт из чужого дома	42
3-8 Неловкость между лунным и григорианским календарями	43
3-9 Ребёнок, который больше не задаёт вопросов	44
3-10 Ответ, который я не написала	45
3-11 Те не начищенные ботинки	46
3-12 Беззвучный крах в экзаменационном зале	47
3-13 Падение после провала на экзамене	48
3-14 Возвращение на ту утраченную тропинку	50
3-15 Удаляющаяся фигура на той стороне дороги	51
3-16 Курс на будущее	52

3-17 В ту ночь я впервые поняла, что такое «обида»	53
3-18 Годы резких перемен в юности	56
3-19 Судьба девочки из рыбацкой деревни	57
3-20 Свободное дыхание в книжном магазине	58
3-21 Горькость и одиночество юности	59
Глава 4 В путь по миру	60
4-1 Начало мечты	60
4-2 Тяжёлые трюмные люки	61
4-3 Пот, слёзы и начало новой жизни	63
4-4 Ночная стоянка в Балтиморе: среди ветра и волн юноша едва не пересекся с судьбой	64
4-5 Старший помощник боцмана: он остался на том берегу	68
4-6 Белая тень в полумрачном котельном отсеке	70
4-7 Урок моря: больше никакой наивности, только благоговейный страх	72
4-8 Неудачи при поиске работы и дверь судьбы	74
4-9 Посадка на борт: тот новый корабль, в который я влюбился с первого взгляда	75
4-10 Звонок в дверь дома: путь домой, с которого нет возврата	76
4-11 Пустота перед аквариумом с золотыми рыбками	77

4-12 Прощание и побег: в ночь перед отплытием	79
4-13 Горизонт моря при лунном свете	80
4-14 Шрамы, окрашенные кровью	82
4-15 Одинокое море	84
4-16 Порт возвращения	85
4-17 Возвращение в новый дом — здание из железобетона	86
Глава 5 Начало военной службы	88
5-1 Еще одно испытание на взросление	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Адриан Нортвейл Последнего рейса не бывает. История пути от бедного детства и морских путешествий до бизнеса и собственного понимания успеха

Глава 1. Воспоминания о детстве на острове Хэйпин

1-1 Первый дом в моей памяти

В 1956 году, когда мне было четыре года, я вместе с родителями переехал из района Чжуншань в Келуне на остров Хэйпин, где начался новый, ничем не предвещанный этап моей жизни. Здесь грунтовые дороги, военные грузовики, воловь повозки и соленый запах воздуха стали моим первым

представлением о мире.

Небольшой домик с черепичной крышей, построенный из красного кирпича, — вот мой первый дом в памяти. Дом был небольшой: всего одна маленькая гостиная и две комнаты. Мы, трое братьев и сестер, делили одну комнату, в которой стояли две деревянные двухъярусные кровати — это было наше спальное место. Родители жили в другой комнате.

Наш домик с черепичной крышей был построен без разрешения, и в нём не было туалета. Все жители района пользовались близлежащим общественным туалетом, в котором не было дверей и царил сильный запах, особенно невыносимый летом. Сейчас, вспоминая об этом, я понимаю, что тот едкий запах стал неотъемлемой частью моего детства. Только когда мне исполнилось семь-восемь лет, в доме пристроили туалет без септика (правильнее было бы назвать его выгребной ямой), и я, боявшийся темноты, наконец-то смог забыть о тех днях, когда после наступления темноты не решался ходить в общественный туалет.

С рождением и подрастанием моего младшего брата в доме стало всё теснее, и отец пристроил ещё одну маленькую комнатку с крышей из пластиковых гофрированных листов — пространство размером всего с один татами. Каждый раз, когда шел дождь, капли стучали по пластиковой крыше, издавая звук, похожий на барабан. Я ворочался в постели, не находя сна, и про себя думал: «Когда я вырасту и начну зарабатывать деньги, обязательно поселю семью в прочный бе-

тонный дом, чтобы больше никогда не слышать этот надоедливый шум дождя».

1-2 Убежище от ветра и дождя

Однажды на остров обрушился тайфун с сильным ветром. Вечером староста деревни, размахивая гонгом, ходил по улицам и на тайваньском диалекте призывал всех срочно эвакуироваться. Мама, взяв нас, детей, и только соломенные маты, поспешила укрыться в небольшой бетонной начальной школе. Это было одно из немногих бетонных зданий на острове.

В каждом классе теснилось около тридцати человек. Мама уложила нас на матрасы в классе, чтобы переночевать. Не знаю, кто в темноте зажёл свечу, но это избавило меня от страха перед тьмой. На следующее утро пришли раздавать хлеб, но его выдавали только «определённым людям», а нашей семье ничего не досталось. Я не совсем понимал, в чём дело, но мне казалось, будто я стою за стеклом и смотрю, как люди из другого мира едят. Наверное, тогда я впервые осознал: «Оказывается, нашу семью не замечают».

1-3 Радости детства и удовольствие от рыбалки

Остров со всех сторон окружен морем; в некоторых местах были построены верфи для рыболовецких и торговых судов, а также таинственные военные форты, а остальная часть побережья казалась мне раем моего детства. На песчаных скалах я легко находил выброшенные взрослыми крючки и лески; достаточно было привязать гайку и поймать несколько морских тараканов, чтобы с радостью, насвистывая, ловить рыбу.

Мелкая рыба постоянно клевала, и я был занят до предела. В отличие от сидящих рядом взрослых, которые после заброса удочки приседали, курили и редко улыбались, я часто задавался вопросом: зачем они вообще приходят сюда рыбачить?

1-4 Проникновение на верфь и детские приключения

Я не осмеливался проникать в запретную зону в одиночку, поэтому часто отправлялся туда вместе с соседями. Помню, как однажды мы тайком пробрались на верфь: вода постепенно углублялась, а на дне было полно ракушек-пришельцев. Каждый раз, когда я зачерпывал воду, меня ждал сюрприз — разноцветные ракушки, маленькие крабы, морские звезды и даже стеклянные шарики. Для меня все это казалось подарками от богов, и в этом не было ничего странного.

Каждый раз, когда проходила церемония спуска нового судна на воду, мы могли совершенно непринуждённо смешиваться с толпой. Новое судно стояло на рельсах, звуки пестард переплетались с криками ликования из громкоговорителей, а рыболовецкое судно, скользя по рельсам, входило в море, поднимая брызги. В тот момент я беспокоился только об одном: только бы не спугнуть раков-обитателей с морского дна!

1-5 Первое знакомство с «приезжим» и жажда «мяньгуй»

Однажды после уроков одноклассник назвал меня на миннаньском диалекте «приезжим», и я не понял, что это значит. Вернувшись домой, я спросил маму, и она вздохнула и сказала: «Людей, бежавших из материкового Китая, называют приезжими».

Больше всего я завидовал своим тайваньским одноклассникам, которые ели эти овальные «мяньгуй» с красной глазурью. Однажды сосед по парте поделился со мной маленьким кусочком — он был сладкий и очень вкусный. Вернувшись домой после уроков, я застал маму, разжигающую огонь. Я умолял её купить мне «мяньгуй», но она ответила, что их можно будет съесть только после обряда поклонения. Я ответила: «Но мы же тоже поклоняемся», — за что получила хорошую порцию ругательств, и я поспешила убраться с глаз долой. Я знала, что ручка веера в руке мамы вот-вот опустится на меня.

1–6 Приключения в загадочном Хоухай

Среди незабываемых воспоминаний есть один о моём друге-ровеснике — Сяохае (псевдоним). Мы обожали исследовать побережье за горой, где возвышались причудливые скалы, а море было лазурным и спокойным, но там также стояла армия, и нам приходилось тайком обходить часовые посты.

Если нас обнаруживали, мы часто полагались на Сяохая, который шел впереди и пытался вызвать сочувствие у солдат: «Дядя-солдат, пожалуйста!» Иногда это срабатывало, иногда — нет. Однажды мы наткнулись на строгого охранника, который крикнул: «Если не уйдете, я буду стрелять!», и мы тут же развернулись и бросились бежать.

Позже Сяохай обнаружил новую тропу, по которой мы обходили казармы и добирались до «Хоухай», чтобы ловить маленьких крабов. Эта тропа была заросла сорняками и усыпана валунами, но казалась таинственным задним садом. Дикие лилии, дикие помидоры и дикие ананасы цвели повсюду, и казалось, что эта земля — такая красивая.

1-7 Глядя на море и небо

Нам нравилось сидеть бок о бок на скалах и смотреть на море. Дети на острове уже в пять-шесть лет научились ловко лавировать среди волн, но в районе «Хоухай» проблема заключалась не в том, умеешь ли ты плавать, а в том, что, прыгнув с слишком большой высоты, ты не можешь выбрать-ся обратно.

Темноволосый «морской мужчина», в плавательных очках, с гарпуном в руках, с ножом и корзиной для рыбы, привязанными к телу, плавает и ныряет в море; каждый раз, выныривая на поверхность, он держит в руках слоновую рыбу или морского ежа. А на удалённой морской платформе, образованной эрозией, «морская женщина», полностью укутанная и в соломенной шляпе, наклонившись, собирает морские водоросли.

Мы с Сяо Хай то смотрели на море, то улыбались друг другу. В тот момент небо было нашей крышей, береговые скалы — нашим полом; море простиралось до горизонта, и мы чувствовали себя свободными и счастливыми.

1-8 Послеобеденное время в «Императорском дворце»

Когда солнце стояло высоко, мы укрывались в «Императорском дворце» — скальной пещере на склоне холма, внутри которой были камни, похожие на столы и стулья. Я стоял у входа в пещеру и прислушивался к шуму волн, доносившемуся морским ветром; казалось, что они несутся со всех сторон — то ритмично, то без ритма. Это был самый прекрасный звук природы в моем детстве.

Эти воспоминания, в которых горечь переплетается со сладостью, — теперь, когда я об этом думаю, — это уникальная поэма в моей жизни, а также самое драгоценное сокровище моей жизни.

#Что я вынес из этого#

Воспоминания и переживания детства — это фундамент, на котором формируются наша стойкость и мужество на всю жизнь.

Глава вторая Воспоминания и характер, сформировавшиеся в тяжелых условиях

2-1 Дети за стеной на улице Пин-И-Лу

На острове Хэпин было всего две дороги, достойные этого названия: одна, вымощенная щебнем, называлась и «Хэ-и-лу», а другая — грунтовая, без какого-либо покрытия, называлась «Пин-и-лу». Мой дом находился именно на Пин-и-лу. В конце этой дороги с одной стороны начиналась военно-морская база, а с другой — верфь по строительству рыболовецких судов. В течение всего дня, за исключением редких случаев, когда мимо проезжал военный грузовик, по этой дороге не проезжало ни одного автомобиля.

После дождя «Пин-Илу» становится ухабистой, повсюду появляются лужи; в ясные дни морской ветер разносит желтый песок, и, идя по дороге, глаза невозможно открыть из-за песка. Если не быть осторожным, можно наступить на коровьи экскременты.

2-2 Дорога с запахом моря, солнцем и потом коров

В ясную и безветренную погоду улица Пин-И-Лу словно превращается в площадку для плетения рыболовных сетей и тросов. Мужчины ушли в море и ещё не вернулись, поэтому здесь работают одни женщины: в соломенных шляпах и рукавицах, у каждой рядом стоит большое ведро, наполненное плетущими иглами, обмотанными сетевой нитью. Они болтали, но иглы для плетения сетей в их мозолистых руках ни на мгновение не останавливались. К закату игл в больших тазах осталось совсем немного, а от начала до конца дороги уже растянулась длинная рыболовная сеть.

Во второй половине дня здесь становится ещё оживлённее: женщины, вернувшиеся утром с побережья с урожаем морских водорослей, раскладывают их для просушки у дороги. Вся дорога наполнена соленым, влажным запахом морской воды, смешанным с порывами рыбного запаха. Иногда они сидят у дороги группами по три-пять человек и чистят морских ежей: сначала разрезают их пополам маленьким ножом, а затем вычерпывают красную мякоть маленькой железной ложечкой. Их лица покрыты потом и озарены улыбками удовлетворения; в их жизни нет ни тени недовольства.

На этой дороге, помимо велосипедистов, чаще всего встречаются воловь повозки. Часто можно увидеть три-

пять жёлтых волов, которые под погонями погонщиков, сми-
рившись со своей судьбой, тянут тяжёлые бревна в сторону
верфи. Уклон на этой дороге небольшой, но неровная грязё-
ная поверхность часто заставляет деревянные колёса прице-
пов застревать в грязи, и они не могут ни двигаться вперёд,
ни отступить назад. Хуже всего, когда первая телега, идущая
впереди, увязает в грязи: тогда хлысты и ругательства погон-
щиков обрушиваются на желтых коров, а на плечах живот-
ных, тянущих прицеп, уже давно появились синяки и ссади-
ны, а из углов рта непрерывно течет слюна.

Возыскатели давали быкам отдохнуть пять-десять минут
или заставляли их идти по S-образной траектории. Если и
это не помогало, они присоединяли к первой телеге ещё од-
ну буксирную раму и подводили быков из задней телеги к
первой, так что одну телегу тянули уже две пары быков. Ко-
гда наступало время обеда, возыскатели исчезали неизвест-
но куда, но мы знали, что быков наверняка вывели на зад-
ний склон. Я отправлялся на склон за домом, чтобы найти
коров. Несколько измученных коров лежали на животе на
траве, пережевывая тростник, растущий рядом. Их хвосты
то и дело махали по спине, отгоняя сидящих на ней мух. Я
подносил тростник к их ртам, но стоило корове шевельнуть-
ся — я, испугавшись, тут же убегал.

2-3 Мир за стенами и за пределами стен

На улице Пин-И-Лу самым необычным зданием были, пожалуй, общежития сотрудников судостроительной компании. Эти постройки, оставшиеся со времён японской оккупации, представляли собой более десятка аккуратно выстроенных в ряд домов, у которых были не только передние, но и задние дворы. По всему периметру возвышалась стена из серых крупных кирпичей высотой более метра, и, хотя их разделяла всего лишь одна стена, создавалось впечатление, будто это два совершенно разных мира.

Внутри стены росли аккуратные ряды олеандров и ярко-красных фонариков, а снаружи, у водосточной канавы, — трубчатые цветы и гениана. Я знала только, что у детей, живущих там, всегда была новая одежда и игрушки из-за границы. Когда мы с соседскими друзьями играли в «домики», девочки всегда привязывали стиральную доску к спине, делая вид, что несут куклу; а вот девочки из-за стены были совсем другие — в руках у них были настоящие куклы с золотыми волосами и голубыми глазами, у которых даже ресницы шевелились. Правда, дети из общежития редко играли с нами.

2-4 Ужас за стеной

Лето на острове Хэпин всегда сопровождалось соленым морским бризом и палящим солнцем. Время после ужина было для нас, детей, самым свободным. Улица Пин-И-Лу становилась для нас площадкой для игр: мы бегали, гонялись друг за другом, крутили волчки и играли в «полицейских и воров». Однажды я с несколькими соседскими детьми резвился у стены, когда из-за стены внезапно выскочила собака. У неё была взъерошенная шерсть и морда, похожая на львиную, поэтому мы все называли её «львиной собакой». Её лай был громким, как гром, и она выскочила из-за стены, как молния, совершенно без предупреждения.

Мы испугались до смерти и в панике разбежались. Я успел сделать всего пару шагов, как поскользнулся и тяжело упал; в следующий миг «Львиная собака» уже набросилась на меня, придавив грудь передними лапами, а её влажный и тёплый нос почти прижался к моему лицу. Это был такой ужас, какого я никогда раньше не испытывал: я застыл от страха и с широко раскрытыми глазами смотрел, как она не переставая рычала.

К счастью, мимо проходивший прохожий бросился на помощь, громко крикнул, отпугнув собаку, а затем осторожно помог мне подняться. Я был весь в грязи, с ссадинами на коленях, а сердце не переставало биться. Страхивая с се-

бя грязь, я, опустив голову, молча пошёл домой, как ребенок, совершивший проступок, не осмеливаясь произнести ни слова.

Я боялся, что меня отругают. Вернувшись домой, я нашел в ящике ту знакомую бутылочку с красным лекарством и, мазая им окровавленные колени, терпел жгучую боль.

Воспоминание о том, как «лисичий пес сбил меня с ног», стало неизгладимым отпечатком ужаса в моём детстве.

2-5 Старик, развозящий лёд

В полдень жаркого лета всегда появлялся старик на маленьком трехколесном велосипеде с одним-двумя большими кусками льда, который останавливался у ворот жилого комплекса для сотрудников судостроительной компании. Он снимал покрывало из пеньки, брал ручную пилу, распиливал большой кусок льда на мелкие кусочки, а затем развозил их по домам.

Пока старик пилил лед, вокруг его трехколесного велосипеда уже собирались дети, стоящие за стеной; пары затаивших дыхание глаз пристально следили за тем, как на поверхности куска льда, по которому пила скользила туда-сюда, скапливалось всё больше и больше крошки. В этот момент воздух как будто застывал, и мы только и ждали того мгновения, когда пила полностью остановится, чтобы броситься вперед и побороться за обломки льда. Кто успевал первым, тот клал их в рот, чтобы полакомиться, или держал в ладошке, наслаждаясь прохладой. Это стало одним из развлечений для нас, детей за стеной, во время летних каникул. Однажды один мальчик, желая побыстрее первым схватить ледяные осколки, протянул руку, пока пила ещё не остановилась. В мгновение ока на куске льда появилось ярко-красное пятно, и мы, дети, испугавшись, разбежались в разные стороны. Старик громко ругался: «Чёрт возьми!»

В то время я ещё никогда не видел, как выглядит холодильник. Я только слышал, что в каждой семье в общежитии есть холодильник, и эти куски льда, которые привозили каждый день, клали в холодильник для заморозки.

Однажды я разговаривал с сестрой, и она сказала, что, когда вырастет, хочет работать билетершей в кинотеатре, чтобы каждый день смотреть фильмы. Я ответил, что, когда вырасту, хочу работать разносчиком льда, чтобы каждый день есть лед.

2-6 Одиночество и растерянность внутри и снаружи стен

Помню, как-то раз во время летних каникул в четвёртом классе начальной школы между детьми из общежития и детьми с острова завязалась массовая драка: одни кричали: «Бей приезжих!», другие — «Бей тайваньцев!». На следующий день на улице Пин-Илу царило необычное затишье, словно перед бурей. Мама предупредила меня, чтобы я не выходил на улицу, но я забыл об этом. После обеда, скучая и не зная, чем заняться, я в одиночку, с бамбуковой палкой в руках, бежал по дороге, увлечённо представляя себя Сиро и Синпеем. Не ожидал, что это будет воспринято как провокация. Через мгновение я увидел, как отец, разъярённый, стоял вдали на углу улицы и кричал: «Вернись сюда!»

Неопытный и наивный, я, все еще держа в руке маленькую бамбуковую палку, с улыбкой подбежал к порогу дома, но отец нанес мне такую пощечину, что у меня закружилась голова, и мой бамбуковый конь превратился в летающего коня, и я даже не знаю, куда он «улетел». Прикрыв лицо, я, охваченный стыдом, под взглядами многочисленных взрослых соседей спрятался в доме, а соседка-мама только успела сказать, пытаясь его остановить: «Он обычно очень послушный, он не станет участвовать в драке».

В тот момент, когда меня ударили, я впервые понял, что

в этом мире не всегда все по-честному.

Я действительно не участвовал в драке: дети из-за стены называли меня тайваньцем, а дети с другой стороны — «приезжим». Мне не было места ни в одной из этих групп! Какая неудача — драка ещё даже не началась, а меня уже несправедливо избили. После того как меня избили на глазах у соседей, я целых несколько дней стеснялся выходить на улицу, боясь встретиться с ними. Утром, чтобы успеть в школу, я выходил из дома чуть раньше шести; по дороге из школы я тоже бежал домой.

Мир за стеной и мир за пределами стены — их разделяла всего одна стена, но они казались двумя разными странами. А я был всего лишь неопытным мальчишкой, который любил бегать по грязной дороге с маленькой бамбуковой палкой в руках.

Вспоминая сейчас, та ухабистая улица Пинъи-Юй, несмотря на грязь, бедность и отсталость, стала первой сценой моей жизни. Те дни, в которых смешивались запах морского бриза и рыбы, те маленькие надежды, связанные с пилением льда, и стыд от непонимания — всё это теперь стало частью глубины моей души. Миры по ту и по эту сторону стены когда-то казались такими далекими, а я так и не был отнесён ни к одной из сторон.

Но именно эти моменты, когда меня не определяли и не заставляли выбирать сторону, помогли мне постепенно научиться стоять на своих ногах.

Я записываю эти беззвучные столкновения классов, статусов и принадлежностей не только ради воспоминаний, но и для того, чтобы осветить путь завтрашнего дня. Ведь только увидев ту землю, откуда я пришел, можно понять, как идти навстречу свету. И эта ухабистая, ровная дорога неожиданно стала самым глубоким корнем в ранах моей памяти, взрастив в мне терпение, наблюдательность и душу, не поддающуюся ассимиляции, на всю оставшуюся жизнь.

2-7 Христианская церковь — рай детского счастья

В конце моста Хэпин стоит единственная на острове маленькая церковь, тихо возвышающаяся в окружении величественных белых стен. На стене выделяются четыре ярких иероглифа: «Бог любит мир».

Двор церкви покрыт зеленой травой, а вокруг растут маленькие цветы и олеандры; когда наступает сезон, они расцветают, и их аромат разносится по ветру, создавая тихую красоту, словно придворный двор рая.

Там жил молодой и добродушный миссионер, чья улыбка была похожа на тёплый свет. У нас с Сяохаем словно появился наш собственный маленький уголок мира: хотя главные ворота часто были закрыты, боковые дверь никогда не запиралась. Мы чувствовали себя там так же непринуждённо, как у себя дома, будь то после школы или в выходные — когда только хотелось, мы могли в любой момент открыть дверь и войти. Он всегда радушно нас принимал, а иногда даже играл с нами в прятки, гонялки или просто в простые игры. В те дни казалось, что все заботы, все различия и социальные барьеры — как внутри, так и снаружи — нежно сглаживались этой лужайкой и смехом.

На еженедельные встречи для подростков всегда приходило много детей — кто-то ради песен, а кто-то ради той стопки разноцветных карточек. Нам с Сяохаем особенно везло: мы всегда забегали в церковь к миссионеру на несколько дней раньше, и он доставал толстую стопку карточек, чтобы мы могли посмотреть их первыми. Он никогда не разрешал нам заранее забрать понравившуюся карточку, но с улыбкой говорил: «Тебе эта нравится, да? Завтра я положу её предпоследней и слегка высуну край, так что ты вытащишь именно её».

Это было своего рода взаимопонимание, а также самая чистая и невинная «привилегия» нашего детства. Когда я действительно вытаскивала именно эту открытку, в моём сердце всегда возникало чувство гордости и тепла, а миссионер подмигивал мне — это был такой тайный сигнал между душами, который бывает только между ребёнком и его опекуном.

Я до сих пор помню те слова, которые часто повторяли: «Бог так возлюбил мир, что отдал Своего Единородного Сына, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Честно говоря, в детстве я не понимал глубокого смысла этих слов, но часто повторял их, как детскую песенку, — они легко срывались с языка.

Только много лет спустя я понял, что вес этих слов был таким же, как и улыбки и доверие, которые дарили нам миссионеры в те дни, — это было семя света, незаметно посеянное в мире моего детства, где не хватало любви и тепла.

#Что взять с собой#

В щелях и испытаниях жизни часто таятся возможности для прорыва и роста.

Глава третья От острова Хэпин к реальности

3-1 Громкое стрекотание цикад тихо угасает

Счастливые дни постепенно уходили в прошлое с переходом в среднюю школу. Моя жизнь больше не ограничивалась тем знакомым маленьким островком, а друзья детства больше не собирались вместе. Без игр с Сиро Махино было так, будто я лишился истинного звука лета — изменившееся пение цикад уже не могло звучать так звонко, как раньше.

По дороге из школы, если у меня в кармане было достаточно трёх монет, чтобы съесть миску горячей лапши с устрицами, я уже чувствовал себя полностью удовлетворённым. Это было самое настоящее и самое простое счастье того времени.

Потолок классной комнаты заменил голубое небо с белыми облаками, а бесконечные наставления учителя — крики морских птиц. Взрослые часто спрашивали меня: «Если не будешь хорошо учиться, кем ты станешь, когда вырастешь?» На этот вопрос я так и не смог ответить.

3-2 «Почему бы каждому не рассказать о своих стремлениях?»: зарождающиеся в сердце юноши стремления

Помню первый урок китайского языка в средней школе, на котором мы изучали отрывок из «Лунь Юй». Учитель стоял у кафедры и медленно читал этот отрывок из древнего текста: «Янь Юань и Цзи Лу сидели рядом с Учителем. Учитель спросил: „Почему бы каждому из вас не рассказать о своих стремлениях?“ Цзи Лу ответил: „Я желаю иметь колесницу, лошадей, одежду и лёгкую меховую накидку, чтобы делиться ими с друзьями, и даже если они изнасятся, я не буду сожалеть“. Янь Юань сказал: „Я хотел бы не хвастаться своими добродетелями и не выставлять напоказ свои труды“. Цзы Лу сказал: „Я хотел бы услышать о твоих стремлениях“. Учитель ответил: „Чтобы пожилые люди чувствовали себя в безопасности, друзья доверяли мне, а молодые люди привязывались ко мне“».

Тогда я впервые познакомился с учением Конфуция. Когда Цзы Лу сказал: «Я хотел бы иметь колесницу, лошадей, одежду и лёгкую меховую накидку, чтобы делиться ими с друзьями, и даже если они изнасятся, я не буду сожалеть», — это тронуло моё сердце.

Это был идеал, но в то же время и реальное желание. В то время я не мог чётко представить себе, как будет выглядеть моё будущее, но я знал, что жажду жизни, полной достоинства, взаимопомощи и доверия.

В душе я тихо сказала себе: «Я больше не буду разносить мороженое. Я хочу: «делиться с друзьями колесницами, лошадьми, одеждой и лёгкими меховыми накидками, и даже если они изнаются, не жалеть об этом».

3-3 Безмолвный ребёнок

В средней школе я был худым, молчаливым, с заурядной внешностью, среднего роста и со средними оценками. И в школе, и дома я был человеком, которого никто не замечал. Мне всегда казалось, что в этом мире никто не обращает на меня внимания — даже мои родители. Каждый раз, когда я приносил домой табель с оценками, они чаще всего говорили: «Штамп лежит в ящике, сам его поставь».

Эти слова разочаровывали меня даже больше, чем сами оценки.

3-4 Одна фотография, одна цитата

Моим наставником был учитель биологии, увлечённый науками о жизни, чьи уроки всегда отличались изобретательностью и энтузиазмом. После уроков ему часто приходилось переносить различные учебные пособия обратно в кабинет, и, поскольку я сидел в первом ряду, всегда первым вставал и предлагал свою помощь. Я делал это не из желания понравиться, а из естественного чувства близости и уважения.

Первым занятием у него была анатомия лягушки. Когда скальпель вскрыл оболочку живого существа, мне показалось, будто я открыл для себя совершенно новый мир, и впервые ощутил потрясающее переплетение знания и жизни.

В конце семестра он подарил мне фотографию, на обратной стороне которой энергичным и сильным почерком было написано: «Стремись к истине, добру и красоте».

Фотография давно пропала, но эти три слова глубоко врезались в моё сердце, словно тихий луч света, освещающий каждый мой последующий путь. Они напоминают мне: будь искренним, будь добрым, смотри на мир самыми прекрасными глазами.

3-5 Луна и мочки ушей

В детстве мама часто в угрожающем тоне говорила: «Когда стемнеет, лунная богиня спустится и отрежет уши непослушным детям».

Но по мере того, как я росла, размышляла и училась, я постепенно поняла, что это была ложь, придуманная взрослыми. Мои мочки ушей часто трескались и сочились — это было не наказанием лунной богини, а... другой причиной боли.

Я даже подозревала: а действительно ли я их родная дочь? У меня такие маленькие уши, почему же мама, когда злится, бьет так сильно? За эти годы я перешла от сказок к реальности, от безоговорочной веры к сомнениям. В моем мире образовалась трещина.

Эта трещина, хотя и причиняла мне боль, стала для меня началом пробуждения.

3-6 Мальчик без дня рождения

До подросткового возраста я никогда по-настоящему не знал, каково это — «отмечать день рождения». Однажды утром мама вдруг сказала: «Сегодня твой день рождения. Вот тебе два юаня, купи себе по дороге в школу булочку с арахисовым кремом». Она помнила, что я люблю булочку с арахисовым кремом — в тот момент я действительно почувствовала, что меня заметили. Эти две монеты в ладони были словно тонкое пожелание, а также билет, которого хватило лишь на то, чтобы дойти до входа в булочную, но не позволил мне сказать ни слова: «Я хочу свечи».

2. Торт из чужого дома

3–7 Торт из чужого дома

Однажды, вернувшись из школы, я обнаружила на столе коробку с тортом. Я спросила: «У кого день рождения?» Мама ответила: «У тебя. Мама Х принесла его днём». В моём сердце всплыло давно забытое тепло — оказывается, я не одна.

Однако вечером, когда отец вернулся с работы, он из-за этой коробки с тортом сильно поссорился с мамой. Я стоял в углу и слышал обрывки разговора: мама Х хочет взять меня в крестники. То, что в моих глазах было проявлением заботы, в мире взрослых превратилось в «нельзя».

В тот вечер атмосфера была настолько тягостной, что казалось, она вот-вот начнёт капать водой; никто не осмелился съесть тот торт. После ужина я спрятался в своей комнате и стал делать уроки. Когда я снова вспомнил о торте, его уже не было. Я не осмелился спросить, а на следующий день, едуци в школу на автобусе, подумал: «Может быть, они его выбросили».

3-8 Неловкость между лунным и григорианским календарями

В втором классе средней школы двое моих близких одноклассников после уроков пришли ко мне с маленьким тортом: «Сегодня твой день рождения, пойдем к тебе домой?» Я с радостью согласился — это была самая простая и самая драгоценная дружба юности.

Вернувшись домой, я обнаружил, что мамы нет; отец сухо заметил: «На самом деле его день рождения был неделю назад, мы отмечаем по лунному календарю». Эта фраза заставила нас всех застыть на месте. Я покраснел до горячины, не понимая разницы между лунным и солнечным календарями, но в тот миг я понял, что кто-то вернул «заботу» обратно в мои руки, сказав, что сегодня не тот день, когда я должен её принимать.

Я знал, что отец пытался скрыть их равнодушие к моему дню рождения, но при этом переложил неловкость на меня. Торт так и не удалось открыть. Двое одноклассников тактично попрощались, я проводил их до автобусной остановки и смотрел, как они уезжают.

3-9 Ребёнок, который больше не задаёт вопросов

Вернувшись домой, я молча отрезал себе маленький кусочек торта. Ни свечей, ни песен. Я даже не почувствовал грусти — в те времена детей из бедных семей было полно, у многих не было дня рождения, и это, казалось, не имело никакого значения.

После этого дружба между нами не прервалась: мы по-прежнему оставались хорошими одноклассниками и друзьями, просто никто больше не упоминал о том неловком моменте на дне рождения. Перед ними я всегда испытывал какое-то трудноописуемое чувство вины; а для себя я научился проглатывать слова, когда нужно было высказаться, и выросл в молчании.

Я не был ребенком, которого никто не любил, просто те, кто меня любил, не жили под одной крышей со мной.

Те два юаня за хлеб, тот исчезнувший торт, тот исправленный день рождения — всё это помогло мне понять: некоторым проявлениям тепла не дают места, а некоторые знаки внимания приходят не вовремя; а я, в конце концов, научилась даже в те дни, когда не было повода для празднования, зажигать для себя маленькую свечку.

Сливочный хлеб и торт научили меня, что такое «тихое взросление».

3-10 Ответ, который я не написала

На первом занятии в рамках единого вступительного экзамена отец проводил меня до самого класса, даже до моего места. Только когда прозвенел подготовительный звонок, он достал из кармана вступительный билет и удостоверение личности, аккуратно положил их в левый верхний угол парты и тихо напутствовал: «Верни мне их после экзамена».

Едва его спина исчезла в дверях, я не выдержала и сразу же взяла удостоверение личности. Это был первый раз, когда я увидела своё собственное удостоверение личности. Взгляд скользнул по графе «отец», и я увидела эти два слова — «приёмный отец». Я убедилась в своём происхождении.

В те годы я бесчисленное количество раз спрашивал мать: «Почему у всех одноклассников есть удостоверение личности, а у меня нет?» Она всегда отвечала уклончиво: «Не поздно будет оформить его, когда ты повзрослеешь». Теперь я наконец понял, что скрывалось за этими словами.

3-11 Те не начищенные ботинки

Я сидел в экзаменационном зале в оцепенении и вспомнил один полдень в начальной школе, когда отец сидел на корточках во дворе и чистил пару за парой кожаные туфли. Туфли стояли в ряд и блестели под солнцем. Но я заметил — там были туфли моей сестры и брата, но только моей пары не было.

Я стоял в стороне, и в душе у меня поднялась невыразимая боль. Это была не рана, нанесённая грубостью или руганью, а холодный шрам от намеренного игнорирования.

Через несколько дней, пока отец был в отъезде, я тайком почистил свои кожаные туфли и осторожно вернул щетку и крем на прежнее место, чтобы никто не заметил. Я просто хотел, чтобы хотя бы раз мое существование тоже было замечено.

3-12 Беззвучный крах в экзаменационном зале

На том экзамене по математике я сдал чистый бланк. Все мои мысли были разбиты на куски тем удостоверением личности. Неразгаданная загадка раскрылась в одночасье, но правда, словно острый клинок, лишила меня сил отвечать на вопросы.

По дороге домой после экзамена отец шел быстрым шагом впереди. Он ни разу не оглянулся и не стал меня ждать. Летний полдень, у меня пересохло во рту, но я не осмелился попросить его купить мне что-нибудь выпить.

Я ускорил шаг, пытаясь догнать его, но обнаружил, что расстояние между нами становится всё больше.

3-13 Падение после провала на экзамене

Неудача на выпускных экзаменах в старшей школе затянула меня в черную дыру жизни. Мне казалось, что провал на экзаменах — это преступление, крах моей самооценки.

Я стал воплощением неудачи, стыдился появляться на людях и хотел спрятаться даже от собственной тени. Неудача на экзамене — это не просто результат одного теста, а ярлык, приклеенный ко лбу, — беззвучный, но тяжелый приговор.

С тех пор я стал синонимом «трусости» и «бесперспективности». Даже перед младшими братьями и сестрами я не мог избежать постоянных публичных унижений со стороны отца.

Мать просто молча наблюдала со стороны, не упрекая и не утешая. Я знал, что в её душе, наверное, кипели противоречивые чувства. С одной стороны — любовь и забота, с другой — бессилие. Отец был единственным кормильцем в семье, и у него было право поступать так, как он хотел, и говорить всё, что ему заблагорассудится, а мы могли только молча терпеть.

Никто не протянул мне руку помощи. В те мрачные дни я потерял ориентиры и утратил веру в себя. Но именно в этой бездне я начал по-настоящему познавать себя — того, кто, несмотря на угнетение и отрицание, по-прежнему жаждал

возрождения.

Я выбрала нестандартный путь и поступила на факультет судовых инженеров в морское профессиональное училище. Это было не бегством, а скорее попыткой ухватиться за кусок дерева, обнаруженный в океане.

Я стала мечтать: однажды я покину этот остров, полный упреков, и отправлюсь в плавание на другой конец света. Там не будет упреков, только смех; не будет отрицания, только надежда.

3-14 Возвращение на ту утраченную тропинку

Тем летом я в одиночку направился к небольшому холму за церковью, пытаюсь найти ту тропинку, по которой Сяо Хай когда-то водил меня к «Заднему морю». Войска уже давно ушли, бетонные дозоры заросли сорняками, но я никак не мог найти ту тропинку, ведущую к Императорскому дворцу.

Дорога из моих воспоминаний исчезла, а я уже никогда не смогу вернуться в те юные времена.

3-15 Удаляющаяся фигура на той стороне дороги

Однажды после начала учебного года я издалека заметил свою детскую подругу — Сяоцин. Она шла мне навстречу, и у меня забилося сердце. Я потянул за ремешки рюкзака, поправил широкополую шляпу, пытаюсь выглядеть прилично.

Она тоже заметила меня, но молча перешла на другую сторону улицы, опустив голову, и прошла мимо быстрым шагом. В тот момент я невольно задался вопросом: когда же улица Пин-И-Лу стала такой широкой?

Пройдя несколько шагов, мы как по команде одновременно обернулись, и я увидела её слегка покрасневшие щеки и уклонившийся взгляд. Она не презирала меня, я это знала. Но я также знала, что расстояние между нами с этого момента будет только увеличиваться.

Позже я узнал, что она поступила в женскую среднюю школу, которая была её первым выбором. А Сяохай поступил в военно-морскую школу для унтер-офицеров.

3-16 Курс на будущее

В морском училище я познакомился со многими учителями. Во время однообразных уроков они часто делились удивительными историями и анекдотами с кораблей. Такая морская жизнь заставила меня зажечься, и я начал любить эти профессиональные предметы.

Мне показалось, что я нашла направление в жизни и вновь обрела себя.

3-17 В ту ночь я впервые поняла, что такое «обида»

В первом классе старшей школы мой младший брат заболел простудой, и однажды вечером внезапно его стошнило прямо на пол в гостиной. В тот момент я ясно увидел тревогу и панику в глазах отца. Он резко повернулся ко мне и с гневом спросил:

«Почему, увидев это, ты не взялся за дело? Быстрее вытри пол!»

На самом деле я сопротивлялась, в душе поднималось какое-то неопишное недовольство. Но, боясь побоев и ругани, я всё же сразу взяла тряпку, присела на корточки и стала вытирать эту лужу мутной рвоты с резким запахом.

Едва я приступила к делу, как не смогла сдержаться. Кислый, зловонный запах ударил мне в нос, а липкая, тёплая масса, к которой прикоснулись мои ладони, вызвала у меня тошноту, и в конце концов я сама тоже начала рвать. В то же время из глаз хлынули слёзы.

Я не ленива, просто в тот момент это было слишком сильным потрясением, и ни моё тело, ни мои эмоции не смогли этого вынести.

Но отец гневно отчитал меня: «Доросла до такого возраста, а каждый день только ешь и развлекаешься, ни на что не способна!»

Я слушал его упреки, и каждое его слово пронзало мне сердце, словно игла.

В этот момент мать, услышав шум, прибежала из кухни, взглянула на происходящее, нахмурилась и резким тоном сказала отцу:

«Кто же так будет убирать?»

Больше она ничего не сказала, развернулась и пошла на кухню, принесла немного пепла из печи, посыпала им рвоту, а затем аккуратно смела её веником в совок — всё сделала быстро и ловко.

Это был первый раз, когда я по-настоящему почувствовала: мама заступилась за меня. В тот миг в моей душе всплыло легкое тепло, но я также ещё глубже осознала, что в этой семье я всегда была ущемлённой.

Я молча, со слезами на глазах, вернулась в свою комнату и всё время спрашивала себя:

«Похоже, это я должна была заболеть? Что я опять натворила?»

Я увидела в глазах отца ту тревогу и заботу, которые он испытывал по отношению к брату — это была настоящая отцовская любовь. И в душе я понимала, что такой любви я никогда в жизни не получу.

«Обида» — это не раскаяние за содеянное, а невидимый и невыразимый ярлык, который долгие годы давил на сердце, причиняя невыносимую боль.

«Что я сделал не так?» — этот вопрос из юности до сих

пор глубоко спрятан в моём сердце и так и не ушёл оттуда.

3-18 Годы резких перемен в юности

Я верю, что период с 15 по 18 лет, проведённый в старшей школе, стал временем самых резких перемен в моём взрослении. Речь идёт не только о быстром физическом росте, но, что гораздо важнее, о том, что моё мышление начало обретать собственные очертания и взгляды.

Я постепенно проникла в суть мира взрослых — за теми лицами, которые когда-то казались такими невинными, на самом деле скрывались запутанные клубки интересов и эмоций, словно туманная паутина, и я впервые почувствовала, что мир не состоит только из черного и белого.

3-19 Судьба девочки из рыбацкой деревни

Рыбаки острова Хэпин в большинстве своём с трудом сводили концы с концами. Многие из девочек, с которыми я училась в начальной школе, даже не закончили среднюю школу: не достигнув восемнадцати лет, они рано выходили замуж, а некоторые даже рожали детей.

Когда я училась при свете лампы, я часто слышала, как из-за дома доносились крики соседской девочки, которую били. В выпускном классе эти звуки внезапно исчезли. Мама сказала мне: «Та девочка сбежала, она была детской невестой».

Куда могла сбежать девушка, которой едва исполнилось семнадцать-восемнадцать лет и которая только что покинула школу? Я подумала, что, скорее всего, она уехала работать фабричной рабочей в зону экспортной переработки в одном из южных портов. Такая судьба вызвала у меня в душе скрытую боль, словно её история напоминала мне: если я не постараюсь изменить свою жизнь, то и я окажусь в ловушке судьбы этого острова.

3-20 Свободное дыхание в книжном магазине

Больше всего я люблю ездить на автобусе в книжные магазины в центре города. В книжных магазинах в воздухе витает запах бумаги и чернил, и я могу присесть на корточки в укромном уголке и провести час-другой, листая книги, выставленные в изобилии.

К счастью, продавцы и владелец никогда не прогоняли меня, эту маленькую посетительницу, которая только смотрит, но ничего не покупает. Наверное, они понимают, что для бедной студентки эти книги — не просто бумага, а крылья мыслей и мечтаний.

Книга за книгой открывала передо мной мир, гораздо более обширный. Они были для меня как тайные учителя, которые говорили мне: только знание способно изменить судьбу.

Книги — это единственный выход, за который я могу ухватиться, и лекарство для моей души. Они помогли мне понять: когда реальность жестока, а судьба безжалостна, только сила мысли может спасти душу от заточения на этом острове.

3-21 Горькость и одиночество юности

Юность для меня — это горечь. В ней нет горячей страсти, нет шума и суеты, зато она полна одиночества и столкновений. Никто не может пройти этот путь вместо меня, и никто не может по-настоящему понять, через что мне пришлось пройти.

Те раны, полученные в процессе взросления, хотя и глубоки, но сделали меня более стойким. Ведь я знаю, что в будущей жизни меня ждут бесчисленные, ещё более серьёзные испытания.

«Отправляться в путь — не потому, что надоело здесь, а потому, что в сердце есть мечта».

#Что я вынес из этого#

Иногда поворотные моменты в жизни часто скрываются в самом глубоком отчаянии.

Глава 4 В путь по миру

4-1 Начало мечты

В начале 1971 года, только что исполнив восемнадцать лет, я, взяв с собой скромный рюкзак, отправился в путь, покинув родительский дом. Была глубокая ночь, поезд мчался с грохотом, я сидел у окна и смотрел на отдаляющиеся в темноте огни и силуэты гор, словно желая оставить все прошлые годы позади.

Пунктом назначения был порт Гаосюн на юге Тайваня. Мне предстояло подняться на борт сухогруза, которому уже было 28 лет, и стать стажером-помощником. Я не попрощался с Сяоцин.

Не потому, что забыл, а потому, что... у меня не хватило на это смелости.

4-2 Тяжёлые трюмные люки

Это судно — грузовой корабль типа Т2, построенный в конце Второй мировой войны для перевозки грузов для американских войск. Некогда военное средство, сегодня оно стало отправной точкой моего первого в жизни морского путешествия. Корпус покрыт ржавыми пятнами, каюты убогие и не имеют ничего общего с понятием «дом». Я, ещё один стажёр и двое медников теснились в одной узкой каюте — даже переворачиваясь с боку на бок, мы будили друг друга.

Когда я открыл дверь машинного отделения, меня обдало сильным запахом масла и раскалённым ветром. Железные лестницы были крутыми, перила — скользкими, а шум машин оглушал; мне показалось, будто я попал в другой мир. Я блуждал по лабиринту железных лестниц, и пот мгновенно промочил мне спину.

Я начал сомневаться: не станет ли это плавание конечной точкой моей жизни? Мне было страшно, и я чувствовал себя беспомощным. Той ночью, свернувшись калачиком на узкой койке в каюте, я пролил первую с тех пор, как уехал из дома, слезу. Это было невыразимое одиночество, паника от того, что судьба бросила меня в незнакомый мир.

Перебирая вещи, я обнаружил фотографию матери, засунутую между одеждой. Она незаметно положила её туда. Я никогда не думал, что она поступит так. За всю свою жизнь я

впервые глубоко почувствовал — оказывается, она действительно любит меня.

В моём сердце поднялось невыразимое чувство тепла и грусти. Я знала, что по пути в будущее мне всё равно придётся идти в одиночку.

4-3 Пот, слёзы и начало новой жизни

Судьба не давала мне времени на раздумья. Когда раздался звонок «данг, данг, данг», это прозвучало как приказ: «Твоя жизнь моряка начинается прямо сейчас!»

Первый рейс пролегал в Илоило на Филиппинах для погрузки сахара-сырца, затем мы заправлялись топливом в Токійском заливе в Японии, пересекали Тихий океан, проходили через Панамский канал прямо к восточному побережью США в Балтимор, далее направлялись в Веракрус в Мексике, затем в Новый Орлеан, где загружались соевыми бобами, и возвращались в порт Гаосюн — путешествие длилось семь месяцев.

4-4 Ночная стоянка в Балтиморе: среди ветра и волн юноша едва не пересекся с судьбой

Самым незабываемым моментом этого рейса стала та поздняя ночь, когда судно подошло к побережью Балтимора в США.

Условия на море были ужасными: ветер и волны обрушивались на нас с неистовой силой. Была полночь, в открытом море царила чернильная тьма, а судно раскачивалось так сильно, словно было сухим листиком. Лоцман не смог подняться на борт, и диспетчерская велела нам сначала кружить в открытом море в режиме ожидания, а войти в порт — только когда позволит погода. На борту царила паника: хотя никто не произносил этого вслух, все молча задавали себе вопрос:

«Сможет ли этот старый корабль пережить эту ночь?»

Иллюминаторы и люки уже давно были заперты, на всех палубах царила пустота и тишина. В ресторане второго класса, обычно оживлённом, сейчас не было ни души. Весь корабль словно погрузился в безмолвное испытание. Как обычно, я привык перед сном немного почитать, а когда наступала сонливость, гасил свет и засыпал.

Я услышал, как старый медник тихо пробормотал себе

под нос: «Ребята, сегодня лучше оденьтесь как следует перед сном — если что-то случится, придётся бежать быстрее».

В полумраке я заметил, как он незаметно засунул спрятанные у изголовья кровати американские доллары в спасательный жилет.

Я не стал об этом задумываться и быстро погрузился в сон. На следующее утро, как только я спустился с верхней койки, старый медник, выглядящий совершенно измученным, посмотрел на меня и сказал:

«Ты вчера ночью спал так крепко... Тебе совсем не страшно?»

Я посмотрел на его красные, опухшие глаза и тихо ответил:

«Я не знаю, чего бояться. Мне просто кажется, что смерть — не потеря и не стоит бояться».

В то время я ещё не понимал по-настоящему, что такое «судьба». Для меня жизнь была скорее обязанностью, чем даром.

Жизнь и смерть были для меня лишь двумя отдалёнными и расплывчатыми понятиями, лишёнными веса и неподвластными мне.

Я молча размышляла и, напротив, не могла понять: почему такой человек, как старый медник, одинокий и не имеющий никого на свете, так ценит жизнь и так боится смерти? В юности я ещё не могла понять эту привязанность к жизни и не могла прочувствовать это благоговение перед смертью.

Рано утром лодка лоцмана наконец подошла к нам. Мы заранее спустили веревочную лестницу, но заметили, что лоцман колеблется: из-за старой лестницы он долго не решался подняться на борт. Третий помощник капитана был вынужден приказать старшему матросу заменить лестницу на новую, и только тогда лоцман наконец кивнул, ступил на нашу палубу и ввел этот старый корабль, переживший бурные волны и страшные штормы, в гавань Балтимора.

А я тихо запечатлел в памяти эту ночь: старый корабль, противостоящий ветру и волнам, и юноша, прошедший мимо своей судьбы.

И ещё: настойчивость американского лоцмана, который согласился подняться только по новой, надёжной и прочной лестнице.

4-5 Старший помощник боцмана: он остался на том берегу

В день отправления из порта мы обнаружили, что старший помощник капитана не вернулся на корабль. Зайдя в его каюту, мы увидели, что она была совершенно пуста — не осталось ни одной вещи, ни одной записки. Он прыгнул за борт.

Вспоминая дни перед отплытием, он внезапно заглянул к нам в каюту, поболтал несколько фраз — его тон был ровным, но выражение лица необычайно мягким. Тогда это показалось нам странным, но позже мы поняли, что это было безмолвное прощание. Возможно, он уже давно принял решение, просто выбрал такой способ, чтобы мягко провести черту между привычной жизнью и будущим.

Старый медник покачал головой и сказал: «Каждый раз, когда мы плывем в Америку, кто-то прыгает с корабля, так что это уже никого не удивляет. В прошлый раз сбежали целых двое». В его голосе не было ни упрека, ни сожаления, только какое-то привычное смирение с реальностью.

Стоя на палубе и глядя вдаль на береговую линию США, я вдруг почувствовал невыразимую тяжесть. Эта поездка в Америку позволила мне не только увидеть процветание другой страны, но и осознать бедность и стесненность своей собственной, а также заглянуть в глубину человеческого сердца, где таятся тревога и беспокойство.

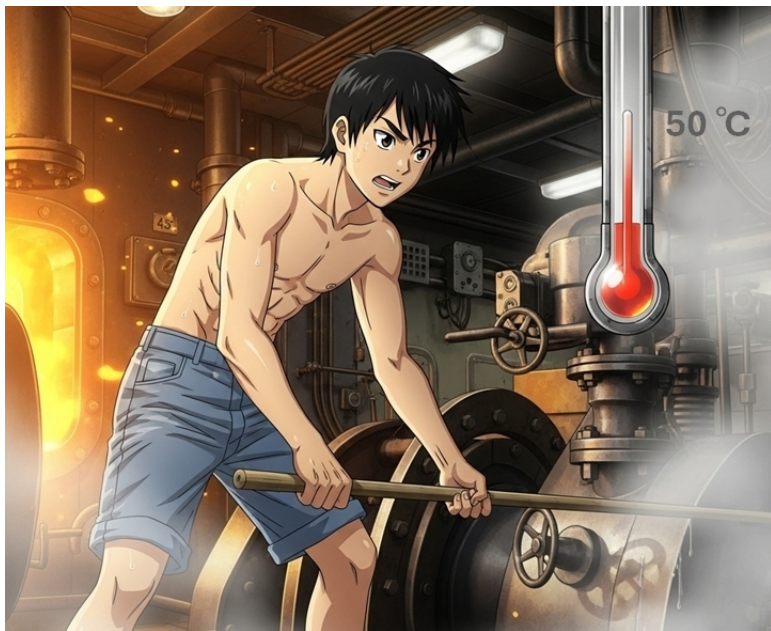
Кто-то решает остаться, кто-то — уехать; кто-то молча смиряется с реальностью, а кто-то ставит на карту всё, чтобы преследовать мечту. А я... я просто продолжаю дрейфовать по морю, не зная, когда же смогу причалить — к месту, где действительно смогу обрести покой.

4-6 Белая тень в полумрачном котельном отсеке

Старые моряки часто говорили, что на этом старом корабле водятся привидения, и это всегда вызывало мурашки по коже. Однако то, что произошло той ночью, помогло мне понять другую правду.

Поздно ночью я дежурил в котельном отсеке с полуночи до четырёх утра. В тусклом свете вдруг мелькнула белая тень, которая быстро исчезла за котлом. На мгновение у меня почти остановилось сердце, но я быстро опомнился — догадался, что это, скорее всего, не призрак, а кто-то, тайком прячущий контрабандные сигареты и выпивку!

Я продолжил сосредоточиваться на своей работе, очищая только что снятые форсунки, но краем глаза всё время следил за происходящим вокруг. Вскоре та белая тень появилась снова, на этот раз она медленно двинулась в сторону рулевой рубки, а затем исчезла без следа. В этот момент я ещё больше убедился, что это был всего лишь человек, ведущий себя подозрительно, а не легендарный «призрак».

После этого я решил промолчать и никому ничего не рассказывать. Ведь слова старого медника всё ещё звучали у меня в голове: «Если посреди ночи ты увидишь, как кто-то прячет контрабандные сигареты и спиртное, обязательно сделай вид, что ничего не заметил, и держись подальше. Иначе у тебя будут неприятности».

Возможно, «истории о привидениях» на этом старом корабле — всего лишь туман, скрывающий реальность.

4-7 Урок моря: больше никакой наивности, только благоговейный страх

Более двухсот дней и ночей я, надев противогаз, чистил дымоходы котлов, мыл пол в машинном отделении и красил. Тяжёлая и унижительная работа не сломила меня. Напротив, я чувствовал гордость. Я не был тем «ни на что не годным» человеком, о котором говорили мои родители — я обрёл свою ценность.

После полугодового испытания морскими плаваниями на моих руках образовались толстые мозоли. Море перестало быть голубым раем из детских фантазий и стало суровым наставником, научившим меня реальности и благоговейному трепету. Все это укрепило мою решимость — я пойду вперед и не оглянусь назад.

Вернувшись в порт Гаосюн, я стоял на палубе и кричал на ветер: «Каждый человек рождён, чтобы принести пользу!»

Я уволился с работы стажера и смело сдал специальный экзамен на звание третьего помощника капитана речно-морского судна. Когда я дрожащими руками вскрыл письмо с уведомлением о зачислении и увидел эти два слова — «сдал» — в тот момент я чуть не заплакал от радости.

В том году мне было девятнадцать, и я знал, что этот

сертификат изменит мою судьбу. (Через несколько лет Министерство транспорта внесло поправки в законодательство: лицам младше двадцати лет запрещалось сдавать экзамены, и я как раз успел сесть на последний поезд той эпохи.)

4-8 Неудачи при поиске работы и дверь судьбы

С сертификатом в руках я обходил множество судоходных компаний, но везде получал отказ. Мне говорили: «Ты слишком молод, у тебя слишком мало опыта, ты не справишься с работой, да и боимся, что ты сбежишь из страны, как только уплывешь за границу». В то время я каждый день сидел как на иголках, надеясь только на то, что смогу покинуть страну и выйти в море до того, как придет повестка о призыве в армию.

Наконец судьба открыла для меня окно возможностей. Одна из довольно крупных судоходных компаний согласилась взять меня на работу в качестве третьего механика на 9 000-тонное судно для перевозки смешанных грузов, курсирующее между Индонезией, Филиппинами, Сингапуром и Японией, которое возвращалось в порт Цзилун для смены экипажа только раз в восемь—двенадцать месяцев.

4-9 Посадка на борт: тот новый корабль, в который я влюбился с первого взгляда

В феврале 1972 года, в тот день, когда бушевала буря, я в порту Цзилун ступил на борт нового судна, спущенного на воду всего год назад. Оно было построено в Японии: светло-серый корпус, белоснежная рубка, черная труба, а на корме развевался под ветром национальный флаг — голубое небо, белое солнце на красном поле. Я почувствовал необъяснимую гордость — я родом из этой страны.

Едва я вошёл в столовую для старших членов экипажа, как ко мне подошёл официант, чтобы помочь с багажом. Идя, он с восхищением в глазах спросил: «Как вам удалось стать третьим механиком в столь юном возрасте?»

Я не ответил. Честно говоря, в тот момент я был на седьмом небе от счастья и испытывал некоторую тщеславность. Но я знал, что это не удача, а отправная точка, которую я заработал шаг за шагом.

Я уже впервые вкусил успех, так зачем же мне робко отступать? Жизнь похожа на прыжки с шестом: планка постоянно поднимается выше, и те, кто не может её перепрыгнуть, в конце концов покидают арену. Теперь я готов и буду биться изо всех сил.

4-10 Звонок в дверь дома: путь домой, с которого нет возврата

В тот вечер, после ужина, у меня внезапно возникла мысль: я хочу ещё раз заглянуть домой перед отплытием.

Просто хотелось взглянуть, посидеть, вдохнуть знакомые запахи. Может быть, это была тоска по дому, а может, просто желание убедиться — все ли еще в этом доме заботятся обо мне.

Но я нажал на дверной звонок, и долго не было ответа. Стоя перед знакомой входной дверью, я вдруг осознал: у меня так и не было ключей от этого дома.

Я — прохожий, одинокий путешественник, живущий только в своей собственной жизни.

4-11 Пустота перед аквариумом с золотыми рыбками

Я развернулся и пошёл к расположенной неподалёку телефонной будке, позвонил отцу на работу. Его офис находился совсем рядом с домом, и через десять минут он вернулся, чтобы открыть мне дверь. Он сказал:

«Почему ты опять вернулся? Твоя мама ушла играть в карты».

Его тон был столь непринуждённым, словно я была всего лишь внезапно появившейся тенью. Он не стал много говорить, открыл дверь и тут же повернулся, чтобы вернуться к работе.

Я осталась одна в гостиной. Вокруг царила необычайная тишина, настолько глубокая, что становилось не по себе — казалось, что можно было бы отчетливо услышать даже звук падающей на пол иголки.

Я пододвинула стул и села перед большим аквариумом с золотыми рыбками, следя взглядом за их силуэтами — они плавали вверх и вниз, неторопливо пуская пузырьки, свободно скользя в воде. А я была похожа на отражение снаружи аквариума — молчаливое и одинокое существо.

Я подумала: может быть, мать, увлечённая карточными играми, на самом деле в подсознании тоже хочет сбежать из этого дома?

Меня охватила легкая грусть. Не потому, что меня никто не ждал дома, а потому, что я вдруг поняла — этот «дом» уже давно перестал быть для меня убежищем.

4-12 Прощание и побег: в ночь перед отплытием

В десять вечера отец вернулся с работы, а мать ещё не пришла. Я сказал отцу: «Я сейчас же возвращаюсь на корабль. Завтра в восемь утра у меня дежурство, а днём мы отплываем. Скорее всего, я больше не смогу вернуться».

Я не сказал вслух, что на самом деле в душе я всё ещё не хотел уходить, всё ещё жаждал хоть какого-то признака заботы и ожидания. Но в этот момент, по сравнению с тоской по расставанию, я больше всего хотел сбежать из этого дома.

Сбежать от этой безмолвной отчужденности, сбежать от того чувства, что, вернувшись, я словно никогда не был нужен.

Завтра я снова отправлюсь в бескрайний океан. А сегодня вечером, хотя в доме и горит свет, он не проникает в ту тень, что лежит в моей душе.

4-13 Горизонт моря при лунном свете

На корабле мне больше всего по душе третий помощник капитана — старший по курсу, который учился на несколько курсов выше меня. Он сохранил детскую непосредственность, был энергичным и жизнерадостным и всегда в перерывах между вахтами звонил мне в каюту, чтобы поделиться красотой неба: «Посмотри на облака, как красиво!» Однажды он восторженно сказал: «Знаешь, мы сейчас проплываем мимо острова Бали».

Однажды, когда судно плыло между основным островом Тайваня и островом Ланью, я долго стоял на палубе, глядя на береговую линию, где находился мой дом. Расстояние было небольшим, но всё казалось сном или иллюзией — я всё ещё дрейфовал. Я беспокоился, не изменится ли облик тех островков, подверженных ветрам и дождям.

Через полмесяца после отплытия наступил Китайский Новый год. В полночь первого дня нового года я и третий помощник капитана, закончив смену, приготовили лапшу «Шенли». Обычно он был болтливым, но в ту ночь был особенно молчалив и лишь тихо сказал: «В эти дни я очень скупаю по своей беременной жене».

Внезапно он предложил: «Пойдем, пойдем со мной на палубу посмотреть на море».

Я накинул куртку и встал рядом с ним на палубе. Яркий

лунный свет рассыпался по поверхности моря, создавая мерцающую игру света. Он смотрел на далекий горизонт и пробормотал: «Знаешь, как далеко туда? Двадцать пять морских миль».

Хотя я и не замужем, но, глядя на мерцающую в его глазах тоску и одиночество, я невольно задалась вопросом: смогу ли я в будущем вынести такую разлуку?

4-14 Шрамы, окрашенные кровью

Однажды судно пришвартовалось в порту Нагоя, и я в одиночестве чистил фильтр на донном люке на самом нижнем уровне машинного отделения. Из-за длительного отсутствия технического обслуживания фильтр уже давно был покрыт ракушками, и снять его было чрезвычайно сложно. Спеша закончить работу, я в порыве нетерпения с toute force дернул за сетку, но не ожидал, что ржавая железная рама мгновенно сломается, и острый обломок жестоко порезал мне ладонь правой руки: с четырёх пальцев тут же хлынула кровь, и морская вода в мгновение ока окрасилась в ослепительный красный цвет.

С трудом сдерживая сильную боль, я крепко сжал раненую правую руку левой и, собрав все силы, выбежал на палубу за помощью. Увидев это, дежурный третий помощник капитана немедленно вызвал скорую помощь, и меня доставили в больницу для оказания медицинской помощи. Вскоре прибыли полицейские, которые, убедившись, что ранение не было результатом драки, успокоились и уехали.

Этот несчастный случай оставил на моей руке неизгладимый шрам, а в моей душе — глубокий урок: не все проблемы можно решить грубой силой, и перед тем, как что-то сделать, нужно тщательно всё обдумать.

В тот же вечер, когда старший механик вернулся на суд-

но и узнал об этом, он строго отчитал старшего помощника по машине. Действительно, он не должен был оставлять меня одного работать в машинном отделении — это нарушало правила техники безопасности. Я про себя подумал: когда-нибудь, когда я стану старшим помощником по машине или старшим механиком, я обязательно буду ставить безопасность людей на первое место, особенно заботясь о молодых матросах и стажерах, чтобы они могли учиться и расти в безопасной обстановке.

В конце концов, даже одна оплошность может обернуться непоправимыми последствиями.

4-15 Одинокое море

День за днём, месяц за месяцем я бороздил воды между Южной и Северной Азией. То я стоял на природных островах Филиппин, то причаливал к оживлённым и ярким городам Осаки и Кобе, но пустота в моём сердце оставалась неизменной. Хотя я не любил одиночество и даже боялся его, судьба заставила меня привыкнуть к нему.

Выбрав путь моряка, одиночество становится предначертанным спутником.

Рана на правой руке зажила, но шрам остался отчётливым — он напоминает мне: только опыт и хладнокровие позволяют идти дальше и увереннее.

4-16 Порт возвращения

Наконец, после десяти месяцев плавания по морю капитан объявил о возвращении. «Судно вернётся в порт Килун 16 ноября, где, по плану, пробудет 24 часа для смены экипажа».

Меня не было в списке сменного экипажа, но после захода в порт, когда сотрудники совместной инспекционной службы поднялись на борт для переклички, мне сообщили: «Ты больше не можешь выходить за границу на этом судне, будь готов к призыву в армию».

Застигнутый врасплох, я собрал вещи, в спешке сошел с судна и завершил это морское путешествие — оно оказалось более неожиданным, чем я предполагал, но и более обогатившим меня.

4-17 Возвращение в новый дом — здание из железобетона

Мы переехали с острова Хэпин и поселились в трёхэтажном здании из железобетона. Наш новый дом примыкает к скалистому берегу у порта Цзилунь; с заднего балкона открывается вид прямо на гавань, где входят и выходят один за другим огромные корабли, словно отражая перед моими глазами те морские дни, которые я когда-то провёл в плавании.

Ночью, лежа в спальне, я слышу уже не торопливый стук дождя по пластиковым волноломам, а ритмичный шум прибоя, тихо барабанивший по береговым камням. Этот звук словно говорит мне:

«Ты когда-то отправлялся в далекое плавание, теперь вернулся, но так и не достиг того берега, который находится в твоём сердце».

Хотя я усердно работал, отправлял зарплату домой и наконец-то выбрался из той тесной, обветшалой самовольной хижины, переехав в прочное бетонное здание, я по-прежнему остаюсь в этой семье «незаметным человеком». Существую, но прозрачен, как тень.

Родители не знают, что я получил травму в Японии, я с самого начала и до конца ни словом не об этом не обмолвился. Это как моя табель успеваемости: «Штамп лежит в ящи-

ке, сам себе его поставь».

#Что унести с собой#

Некоторые порты кажутся совсем рядом, но к ним никогда не удастся причалить.

Глава 5 Начало военной службы

5-1 Еще одно испытание на взросление

Всё, казалось, было спланировано слишком плотно. Едва я вернулся домой, как через несколько дней пришло уведомление о призыве — и на этом моя жизнь моряка временно подошла к концу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.